

А
МОСКВА, "ПЛАНЕТА", 1993

OCR И ПРАВКА ТИТИЕВСКИЙ ДАВИД, ХАЙФА, ИЗРАИЛЬ 6.1.2005 dosik41@km.ru

БИБЛИОТЕКА АЛЕКСАНДРА БЕЛОУСЕНКО

ОГЛАВЛЕНИЕ В КОНЦЕ КНИГИ

Ю. ЖАДОВСКАЯ

В СТОРОНЕ ОТ БОЛЬШОГО СВЕТА

Роман

Часть первая

I

Мне не было еще двух лет, когда я лишилась матери. Отец мой вскоре женился на другой и через год умер, не оставив мне никакого состояния. Небольшое имение моей матери было еще при жизни его продано за долги. Мачеха моя имела, как я слышала от тетушки, хорошее состояние, но после смерти моего отца уехала за границу, где и осталась навсегда, выйдя замуж за какого-то доктора, француза.

Незадолго до смерти мать моя вручила меня старшей нежно любимой сестре своей, которая и взяла меня к себе, как только матушка скончалась. Тетушка моя была старушка лет шестидесяти; она была девица, но в ней вы не заметили бы и тени тех недостатков, которые обыкновенно приписывают старым девушкам; она была добра и кротка; лицо ее носило до старости следы красоты, некогда замечательной. Может быть, это было одною из причин, что характер ее не испортился, не очерствел; ее не раздражала мысль, что она будто обижена, обойдена за какой-нибудь резкий недостаток в наружности. В молодости она имела много обожателей, но была влюблена однажды, на всю жизнь. Родители и слышать не хотели о браке ее с этим человеком и никаких средств не считали непозволительными для того, чтобы разлучить их, и успели в этом. Эту эпоху своей молодости тетушка называла "романом своей жизни". Она до старости сохранила в душе чувствительность и заливалась слезами над произведениями Августа Лафонтена и других чувствительных писателей и с трепетом следила за ужасами "Удольфских тайнств". Но эта чувствительность не распространялась у нее на все без разбора, кстати и некста-

6

ти, В практической жизни тетушка была добрая хозяйка, любившая хорошо покушать и выпить кофею поутру. Она не была тем, что называют образованною, и не имела на это никаких видимых претензий; воспитываясь у своей бабушки, она одна из всего семейства не знала французского языка, но во многих случаях обнаруживала ум ясный и практический. Она не любила задавать тон, то есть казаться выше того, что есть, но любила, чтобы все у нее было хорошо, чтобы соседка, уезжая с ее обеда, говорила: "Какой прекрасный стол у Авдотьи Петровны! Когда ни заезжай, голодна не будешь...".

Как теперь гляжу на эту добрую старушку: темный капот и белая косынка на голове, повязанная "маленькой головкой", составляли ее будничный наряд, Чепцов она не любила, потому что они закрывали ей уши и усиливали глухоту, и оттого чепец являлся на ее голове только по воскресеньям или по случаю какого-нибудь редкого визита дальнейшей богатой соседки. В воскресенье и праздники тетушка облакалась какою-то торжественностью и особенным достоинством, но эта торжественность продолжалась только до обеда; после обеда которая-нибудь из соседок говорила: "Что это вы, родная, не изволите снять чепчика?". Тетушка всегда с радостью принимала подобное предложение, и голова ее снова красовалась в белой косынке.

Соседки у нас были поблизости все бедные, у самой богатой считалось не более пяти душ. Некоторые из них были сверстницы тетушки; другие были еще детьми, когда она была молода; но всех их связывали с тетушкой и между собой более или менее общие интересы. Тетушка была между ними, как в своей семье. Они искренне любили ее, и тетушка платила им тем же; они разнообразили ее уединенную жизнь и были ходячими газетами нашего края. Посещая окрестных помещиков, они имели возможность узнавать и передавать тетушке, уже много лет никуда не выезжавшей по случаю слабости здоровья, все